

Для Губернатора
Харьковской Императорской

и др. А. Лапшина в дар

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ПРОФЕССОРА

10.14 307 $\frac{2}{52}$
310

В. И. ЛАПШИНА.

1934

1150

V45

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

262328

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 80.

1890.

Проверено
ЦНБ
1938

798489 08

№ 2 ВОСПОМІНАНІЙ

В. Н. ПАШЕНА

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, май 1890 г.

В. И. Латинин.

/: ⁽⁴⁾ Хлебохлеб, помещенный в ступ. № 21. Коп. да. 1887/

23 Января 1888 г. извещая, о чем извещено в
подписанном письме, Бюро Императорского Училища
на 30^е августа. Ученый гласный В. И. Латинин извещает
30^е августа. По распоряжению издательства, о чем
указано в письме от 1885 г. в № 4. на предмете издательства, издатель
замечает, что издательство 30^е августа. Императорским Училищем
издательство 30^е августа. В. И. Латинин. Издательство издательства
и издательства издательства в Оцене и издательства издательства
гласного издательства издательства издательства. В издательстве (30^е
издательство) издательство издательства, с издательством издательства
до издательства (издательство), В. И. Латинин не издательства
издательства издательства с издательства издательства издательства
издательства издательства издательства. В издательстве издательства издательства
издательства, издательства издательства издательства издательства
издательства издательства; с издательства издательства издательства
(30 150 издательства) издательства издательства издательства издательства
издательства издательства издательства издательства. После, о чем извещает

[2] Сведения 30^е августа издательства издательства издательства
издательства, о чем извещает В. И. Латинин, издательства издательства издательства

[illegible]

R
P
E
J
J
C
L

Скончавшійся въ концѣ сентября 1888 года въ Одессѣ, на восьмидесятомъ году жизни, профессоръ Василій Ивановичъ Лапшинъ, извѣстный по своимъ ученымъ трудамъ, по преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ, а впоследствии въ Новороссійскомъ университетѣ, и наконецъ по живому участию, въ дѣлахъ общественныхъ, оставилъ записки о своей жизни и дѣятельности, какъ въ продолженіе тридцатипятилѣтней ученой службы, такъ и въ отставку ¹⁾. Мы имѣли случай познакомиться съ этими любопытными воспоминаніями и въ виду ихъ интереса рѣшились сообщить въ печати извлеченіе изъ этой автобіографіи.

Сынъ бѣднаго, многосемейнаго обывателя Петербурга, бронзоваго мастера (старобрядца), Василій Ивановичъ родился въ 1809 году. Онъ весьма рано почувствовалъ охоту къ грамотѣ и началъ ей учиться на дому чуть ли не по пятому году. Ученье его велось по старинному, по Псалтырю и Часослову. Грамота скоро далась ребенку, и усердіе его простиралось до того, что даже въ зимнюю пору онъ вставалъ очень рано и съ заготовленною сальной свѣчю спѣшилъ явиться къ своему наставнику. Девяти лѣтъ Лапшинъ поступилъ во Владимірское уѣздное училище и былъ порученъ особенному наблюденію строгаго учителя М. А. М. И здѣсь его ученье шло успѣшно особенно въ ариметикѣ. „Помню“, разказываетъ В. И. Лапшинъ, — „слѣдующій случай: учитель начиналъ повѣрку письменныхъ задачъ всегда съ меня. Разъ оказалась ошибка, которую я тотчасъ и объяснилъ. Просматривая рѣшеніе прочихъ учениковъ, М. увидѣлъ, что

¹⁾ Ученая дѣятельность В. И. Лапшина продолжалась болѣе пятидесяти лѣтъ; первый трудъ его появился въ печати еще въ 1832 году; но ни самъ онъ, среди ученыхъ своихъ занятій, ни другіе не вспомнили объ этомъ юбилеѣ въ 1882 г. и онъ прошелъ совершенно безслѣдно.

у большей части одна и та же ошибка. Значить, задачи списаны съ моихъ. Сурово отнесся М. къ ученикамъ, а меня, раба Божія, тутъ же въ классѣ, для примѣра и внушенія имъ, высѣкъ. Между тѣмъ долженъ сказать, что г. М. толково и усердно училъ, что оказалось на экзаменѣ, произведенномъ неожиданно извѣстнымъ педагогомъ *Θ. И. Миддендорфомъ*, на котораго возложено было порученіе набирать изъ уѣздныхъ училищъ Петербурга лучшихъ учениковъ для педагогическаго института 2-го разряда. Настъ трое удостоены были принятія безъ дальнѣйшаго экзамена“.

Педагогическій институтъ втораго разряда, предназначенный для приготовленія приходскихъ учителей, былъ открытъ въ 1820 году. Ученіе въ немъ было основано на началахъ Песталоцци, и для ознакомленія съ ними посланы за границу были четыре студента Главнаго педагогическаго института, сдѣлавшіеся потомъ извѣстными преподавателями. На институтъ обращалъ особенное вниманіе бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа *С. С. Уваровъ*; онъ часто пріѣзжалъ, собиралъ кружокъ воспитанниковъ и ласково бесѣдовалъ, объясняя предстоящія имъ обязанности и общая покровительство. „Объ этихъ пріѣздахъ“, замѣчаетъ *В. И. Лапшинъ*, — „вспоминалось съ признательностью, да и теперь вспоминается съ удовольствіемъ. Въ концѣ третьяго года существованія института нашла на него гроза въ лицѣ извѣстнаго Магницкаго, нагрянувшего съ предвзятымъ нечестивымъ намѣреніемъ уничтожить заведеніе. Введено обвиненіе въ свободомысліи и чуть ли не безбожіи. Институтъ закрытъ. Начальнику его *Θ. И. Миддендорфу* и учителямъ пришлось отписываться отъ нареканій. Но какъ надъ ними, такъ и надъ воспитанниками, почилъ заступничество незабвеннаго *Сергія Семеновича*. Оказалась справедливою поговорка: нѣтъ худа безъ добра. Открылось поприще болѣе обширнаго образованія и назначенія въ будущемъ. Сказать про себя, на примѣръ: какой бы я былъ учитель приходскаго училища, еслибы и пришлось кончить четырехлѣтній курсъ въ институтѣ? Мнѣ не было бы и пятнадцати лѣтъ. Изъ института образовалась первая тогда гимназія, существующая нынѣ подъ названіемъ третьей“.

Въ этой гимназіи *В. И. Лапшинъ* пробылъ четыре года, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими воспитанниками института, успѣшно кончившими гимназическій курсъ, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ.

Въ автобіографіи В. И. Лапшина сообщаются слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ казеннокоштныхъ студентовъ: „Большая зала, предназначенная для жительства, раздѣлялась перегородкою на двѣ половины. Одна изъ нихъ служила общею спальнею, на день запиралась, другая—для мѣстопробыванія и занятій не въ лекціонное время для тридцати человѣкъ. Въ этой половинѣ стояли по обѣимъ сторонамъ высокіе, топорной работы, комоды съ ящиками для двухъ студентовъ. Въ нихъ хранилась одежда, книги, бумага, чай, сахаръ, хлѣбъ. Между комодами помѣщались одинъ или два стола рыночныя, предъ каждымъ простая табуретка. Вечеромъ выдавалась сальная свѣча. Уткнувшись въ такой промежутокъ, и приходилось заниматься. Студенты сами продовольствовались чаемъ. Служители приносили горячую воду въ большихъ мѣдныхъ чайникахъ. Утромъ студенты распивали свой чай на-скоро, дорожа временемъ до начала лекцій. За то вечернее чаепитіе было раздольное, сопровождавшееся шумнымъ весельемъ на разные лады: кто распѣвалъ, кто плясалъ, кто принимался играть на скрипичѣ и на флейтѣ. Не скоро унималась отдыхающая отъ трудовъ компанія. Вотъ и извольте тутъ заниматься, приготовляться къ лекціямъ. Нечего дѣлать! Занимались и среди оглушающаго гама. Потеря времени вознаграждалась контрабандною урывкою часа или двухъ послѣ десяти часовъ, когда предписывалось отходить ко сну въ другую половину залы. Изрѣдка, и то украдкой, удавалось охотникамъ и болѣе меня смѣлымъ пробраться въ театръ, куда влекли, во что бы ни стало, Каратыгинъ и Мочаловъ ¹⁾. Уходили пораньше, чтобы занять удобныя мѣста въ райкѣ. Добродушный субинспекторъ Брутъ какъ будто и не замѣчалъ недозволительныхъ за полночь отлучекъ. Студентамъ выдавались на руки по пятидесяти копѣекъ ассигнаціями въ мѣсяцъ на разныя нужды. Среди такой обстановки пришлось провести полтора года въ университетѣ, когда для нѣкоторыхъ изъ насъ открылась привлекательная перспектива поступить въ профессорскій Дерптскій институтъ.

Мысль объ этомъ учрежденіи и проектъ его принадлежали академику Парроту-отцу. „Въ то блаженное время“, говоритъ В. И. Лапшинъ, — „университеты наши наполнены были иностранцами. Какъ

¹⁾ Здѣсь, кажется, память измѣнила В. И. Лапшину: Мочаловъ былъ московскій актеръ, а не петербургскій.

на кафедрѣ, такъ и въ совѣтахъ и училищныхъ комитетахъ, слышалось разноязычіе. Устранить это неудобство Парротъ находилъ возможнымъ образованіемъ достойныхъ русскихъ профессоровъ, которые, преподавая на русскомъ языкѣ многоразличные предметы, обрабатывали бы и самый языкъ научнымъ образомъ. Считаю излишнимъ распространяться о томъ, какія мѣры приняты, чтобы привести предположеніе въ исполненіе. Невольно поражаешься контрастомъ благонамѣреннаго отношенія къ ученому образованію молодыхъ еще людей достойнаго стараго академика и эгоистическаго невниманія теперешнихъ господъ Академіи къ русскимъ уже профессорамъ, пользующимся ученымъ почетомъ и за границею. А съ тѣхъ поръ прошло вѣдь слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ! Въ числѣ шести студентовъ Петербургскаго университета и я былъ удостоенъ поступленія въ профессорскій институтъ. Въ 1828 г. отправился въ Дерптъ къ началу академическаго года, гдѣ и пробылъ до весны 1833 года, окончивъ курсъ со степенью магистра философіи по физико-математическому отдѣленію. Пребываніе профессорскаго института въ Дерптѣ замѣчательно въ слѣдующемъ отношеніи. Кромѣ профессоръ-студентовъ, какъ называли насъ нѣмцы, русское общество посѣщающихъ лекціи составляли два сына Н. М. Карамзина, два сына графа Виттгенштейна—Алексѣй и Николай Петровичи, графъ Владиміръ Ал. Сологубъ, Владиміръ Ивановичъ Даль, Ив. Ѳ. Золотаревъ, Соболевъ, нѣсколько офицеровъ и моряковъ (Зеленый, Кемецкій), которые специально занимались на обсерваторіи астрономическими наблюденіями. Въ то же время проживали въ Дерптѣ извѣстный нашъ поэтъ Языковъ и астрономъ Ѳедоровъ. П. И. Прейсъ, бывшій старшимъ учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи, а потомъ отправленный за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, былъ дорогимъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Въ составившихся по временамъ литературныхъ собраніяхъ В. И. Даль читалъ свои знаменитыя впослѣдствіи сказки, слагаемыя изъ поговорокъ и пословицъ, чѣмъ приводилъ слушателей въ восторгъ. Многіе изъ членовъ профессорскаго института пользовались благосклоннымъ пріемомъ и вниманіемъ въ домѣ Е. А. Карамзиной, Березиной и Протасовой. Дерптскіе студенты тогдашняго времени, у которыхъ въ большемъ еще ходу были нѣмецкія дуэли, постановили въ своихъ корпораціяхъ или ландеманшафтахъ не вызывать на дуэль профессоръ-студентовъ. Да и повода къ этому ни разу не оказалось. Помню поѣздку всего русскаго на-

шего общества въ Верро ради прогулки на нѣсколько дней. Извѣстный всѣмъ дерптскимъ студентамъ и городу фурманъ Фохтъ доставилъ нѣсколько штудльвагеновъ, запряженныхъ борзыми тройками. Компанія шумно отправилась и весело провела три дня. Графъ Сологубъ описалъ эту прогулку въ стихахъ. На долю каждого изъ участвовавшихъ досталось юмористическое словцо. Не знаю, сохранилось ли у кого-нибудь это стихотвореніе. Про себя помню, что на меня возложена была экономическая часть поѣздки“.

Затѣмъ Василій Ивановичъ получилъ командировку за границу. Главнымъ мѣстопробываніемъ за границею назначенъ былъ Берлинъ. „Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ“, говоритъ онъ, — „слушали лекціи математическаго анализа у профессора Lejeune-Dirichlet, физику—у профессора Ермана-отца, практическіе приемы опредѣленія долготы и широты мѣстъ—у Ермана-сына, извѣстнаго возвращеніемъ изъ кругосвѣтнаго путешествія чрезъ Сибирь, изучившаго русскій языкъ, оптику и метеорологію—у профессора Дове, физическую географію—у профессора Гофмана. На нѣкоторыхъ изъ его лекцій пришлось видѣть Гумбольдта. Выслушалъ курсъ логики, читанный профессоромъ Nepping, ревностнымъ послѣдователемъ философіи Гегеля. Въ осеннее время совершены были два путешествія по нѣмецкимъ землямъ. Перебраться за Рейнъ во Францію не дозволялось. По Гарцу пробродилъ десять дней въ сообществѣ съ любезнымъ и дорогимъ Д. Л. Крюковымъ. Изъ Франкфурта-на-Майнѣ до Лейпцига шелъ большею частью пѣшкомъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присаживаясь въ попутный дилижансъ“.

По возвращеніи В. И. Лапшина въ 1835 году изъ-за границы, состоялось назначеніе его адъюнктъ-профессоромъ въ Харьковъ. Въ 1838 году онъ получилъ степень доктора математическихъ наукъ, а въ 1839 былъ избранъ совѣтомъ университета въ ординарные профессора, но министерствомъ утвержденъ только экстраординарнымъ по кафедрѣ физики и физической географіи. „Въ тѣ времена“, прибавляетъ авторъ, — „не допускалось быстро шагать“. Черезъ годъ совѣтъ, не подвергая новой баллотировкѣ, представилъ Лапшина въ ординарные, и тогда уже состоялось его утвержденіе въ этомъ званіи. Черезъ годъ или два послѣ того онъ былъ избранъ деканомъ факультета, но „отказался отъ этого почета, считая себя еще слишкомъ молодымъ“. По истеченіи обычнаго двадцатипятилѣтняго срока, онъ былъ избранъ весьма значительнымъ большинствомъ шаровъ (19 изъ 23) на слѣдующее пятилѣтіе.

Дѣятельность В. И. Лапшина въ Харьковскомъ университетѣ съ 1835 по 1865 годъ проявилась не только въ преподаваніи, но и въ рядѣ ученыхъ сочиненій, сдѣлавшихъ извѣстнымъ его имя. О своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ и начальству В. И. Лапшинъ выражается слѣдующимъ образомъ: „При самостоятельности мнѣній и добросовѣстности дѣйствій, какъ въ факультетахъ, такъ и совѣтѣ, соединенныхъ съ уваженіемъ къ другимъ членамъ, сохранилъ и независимость своихъ взглядовъ въ отношеніяхъ съ начальствомъ. Памятна бесѣда съ княземъ Долгорукимъ, соединявшимъ съ званіемъ генералъ-губернатора и званіе попечителя университета. Князь не терпѣлъ противорѣчій. Меня предупреждали имѣть это въ виду и придерживать языкъ, когда нужно было обратиться къ нему съ просьбою объ отпускѣ въ Москву не въ обычное время. Представленіе его сіятельству совпадало съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Князь потребовалъ отъ членовъ объясненій, почему г. Н не избранъ въ профессора. Князь получилъ отъ каждаго члена въ запечатанномъ пакетѣ отвѣтъ, что руководствовался въ семъ случаѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ долга. Князь отнесся сначала ко мнѣ съ упрекомъ, что я присоединился къ старикамъ; но потомъ благосклонно выслушалъ мои возраженія и въ концѣ концовъ объявилъ, что онъ пришлетъ мнѣ рекомендательное письмо къ губернатору Москвы по моему дѣлу. Надо отдать справедливость князю въ его желаніи знакомиться съ потребностями университета и содѣйствовать его преуспѣванію. Одиный ректоръ при докладахъ своихъ нерѣдко выражался: „какъ угодно вашему сіятельству“. „Что вы говорите: какъ мнѣ угодно; я желаю рѣшить такъ, какъ слѣдуетъ, и спрашиваю васъ, а вы твердите: какъ мнѣ угодно“.

Объ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ Василій Ивановичъ сообщаетъ слѣдующее: „Заботливость къ студентамъ выражалась доставленіемъ имъ изъ библіотеки собственной и университетской книгъ для письменныхъ задачъ по разнымъ предметамъ физики. Казенно-коштные студенты занимались метеорологическими наблюденіями. Назначено дежурство. Отбывшій свой день, представлялъ записку, что всѣ инструменты въ исправности. Что студенты сохранили добрую память, то, помимо заявленій о томъ при разныхъ случаяхъ, свидѣтельствуетъ фотографія, представляющая студентовъ, окончившихъ курсъ, окружающихъ своего профессора.

„До устава 1863 года студенты находились подъ надзоромъ особаго инспектора съ его помощниками. На нихъ лежала обязанность

ставить отмѣтки въ поведеніи и списки представлять въ совѣтъ. Факультету не разъ приходилось просить инспекцію о перемѣнѣ. Но были случаи, когда инспекція отказывала и давать отчетъ. Подобныя притязанія заставляли входить съ особымъ мнѣніемъ. Инспекторы изъ военныхъ лицъ стремились поставить себя въ независимое положеніе отъ совѣта.

„Отмѣтка меньше 4 на экзаменѣ окончательномъ по закону Божию препятствовала удостоенію степени кандидата. Студенты не охотно посѣщали лекціи закона Божія, являлись на экзаменъ, не готовясь надлежащимъ образомъ, а припоминая, что вынесли когда-то изъ гимназіи. Экзамены по закону Божию въ математическомъ факультетѣ принимали иногда курьезное направленіе. Профессора-ассистенты обращались съ разными вопросами къ профессору богословія, а студентъ, едва успѣвшій кое-что сказать, оставался слушателемъ. Въ концѣ концовъ профессоръ богословія ставилъ желательныя отмѣтки. Подобныя исторіи заставили меня при обсужденіи въ совѣтѣ записки министра народнаго просвѣщенія по поводу новаго устава 1863 года высказать мнѣніе, со внесеніемъ его въ журналъ: „или совсѣмъ исключить изъ предметовъ университетскаго курса законъ Божій въ томъ видѣ, какъ велось и слушалось преподаваніе его, или учредить богословскій факультетъ“.

„Студенческая касса — учрежденіе полезное, каковымъ считалъ оное и бывшій попечитель Харьковскаго университета Д. С. Левшинъ, которому надобно отдать справедливость за тотъ здравый и практическій тактъ, съ которымъ онъ вообще относился къ университетскому быту. Принявъ прошеніе отъ студентовъ объ устройствѣ кассы и составленный ими проектъ, онъ разрѣшилъ подъ условіемъ, чтобы избрали изъ профессоровъ руководителя и, такъ сказать, отвѣтственное лицо предъ начальствомъ. Выборъ палъ на меня, и касса утверждена. Отъ каждого факультета былъ одинъ депутатъ. Они производили выдачу и вели счеты. Дѣло шло хорошо, ссуды возвращались. Случалось, что окончившіе курсъ студенты просили объ отсрочкѣ долга до поступленія на службу. Не было, сколько помнится, примѣра, чтобы обязательство не было выполнено....

„Охотниковъ заниматься во второй воскресной школѣ съ желающими учиться нашлось много студентовъ и стороннихъ лицъ. Помѣщалась въ одной изъ аудиторій университета. Студенты-преподаватели избрали меня руководителемъ, согласясь съ мнѣніемъ, что выпреннія увлеченія и фантазіи не подходятъ къ потребностямъ гра-

мотности и довірчивому желанію слушателѣй приобрѣсти полезныя знанія. Принято, послѣ непродолжительныхъ разговоровъ, условіе не курить во время занятій. Средства школы, благодаря пожертвованіямъ, были достаточныя. На нихъ приобрѣтались книги для чтенія и учебныя пособия. Поступавшія и расходующія суммы ежемѣсячно свидѣтельствовались по книгѣ, которая велась аккуратно. Въ кассѣ школы, въ продолженіе двухъ лѣтъ, имѣлось денегъ 463 руб. 33 к. Прощальное привѣтствіе студентовъ, за подписью ихъ, передъ отъѣздомъ моимъ за границу въ 1861 г. свидѣтельствуєтъ о взаимномъ между нами согласіи и добросовѣстномъ исполненіи принятыхъ обязанностей“.

Въ 1861 году В. И. Лапшинъ совершилъ вторую поѣздку за границу, а въ 1862 отправился туда въ третій разъ, именно на Лондонскую всемірную выставку. Объ этой поѣздкѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Имѣлось, между прочимъ, въ виду представить свой самопишущій вѣтровой снарядъ. Предварительно составлено на англійскомъ языкѣ и отпечатано краткое описаніе его съ приложеніемъ подробнаго чертежа: The anemograph of M-r Lapssshine, pr. of the university of Kharkof (Russia). Пришлось прибыть на выставку поздно. Приборъ не могъ быть внесенъ въ каталогъ. Уѣзжая изъ Лондона, я оставилъ снарядъ у извѣстнаго механика Казеллы, прося его передать Кенсингтонскому музею въ даръ отъ моего имени. По испытаніи устройства и дѣйствія его, совѣтъ Кенсингтонскаго музея увѣдомилъ меня въ 1864 году, что мой даръ принятъ съ признательностью“.

Кромѣ путешествій за границу, въ теченіе своей профессуры въ Харьковѣ, В. И. Лапшинъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи. Такъ, раннею весной 1847 года онъ плавалъ по Москвѣ-рѣкѣ, а въ 1855 году командированъ былъ въ Москву, вмѣстѣ съ профессоромъ А. О. Валицкимъ, въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго университета по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета. „Совѣтъ Харьковскаго университета“, говоритъ В. И. Лапшинъ по этому случаю, — „не позаботился приготовить привѣтствія въ приличной, соотвѣтствующей торжеству формѣ, какъ это водится. Намъ вручили пакетъ обыкновенныхъ исходящихъ бумагъ на канунѣ выѣзда. Некогда было напоминать, что такъ не годится. По пріѣздѣ въ Москву, положили исправить невниманіе нашего университета произнесеніемъ особой привѣтственной рѣчи на латинскомъ языкѣ. Неожиданность подобнаго привѣтствія, соотвѣтствовавшаго достоинству торжества и произнесен-

наго профессоромъ Валицкимъ звучнымъ голосомъ во услышаніе всего многочисленнаго собранія, произвела сильное, а для насъ успокоительное впечатлѣніе. Говоръ въ послѣдовавшихъ собраніяхъ и по всей Москвѣ лестнымъ отзывомъ награждалъ оратора“.

Кромѣ университета, В. И. Лапшинъ преподавалъ физику въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ.

Въ 1865 году В. И. Лапшинъ были произведены научныя изслѣдованія въ виду предстоявшаго устройства водопровода въ Харьковѣ. Вотъ какъ разказываетъ о томъ самъ автобіографъ: „Предварительно обращено было вниманіе на источники воды въ окрестностяхъ Харькова, какъ по качеству, такъ и по количеству, могущему быть доставленнымъ въ сутки. Карповская вода ¹⁾ оказалась самою чистою. Открытъ былъ въ саду источникъ воды, которую пила императрица Екатерина II во время пребыванія своего въ Харьковѣ. Старожилы и звали его Екатерининскимъ. Въ теченіе времени онъ засорился. Какое количество воды можетъ дать Карповскій садъ, производились мною зимою въ 1864—1865 годахъ изслѣдованія съ инженеромъ Каторскимъ. Отъ имени комиссіи, назначенной городомъ и состоявшей подъ моимъ предсѣдательствомъ, представленъ въ думу подробный печатный отчетъ и проектъ устройства водопровода и фонтановъ, въ количествѣ 200,000 ведръ въ сутки, по расчету тогдашняго народонаселенія въ 50,000 жителей. Указанъ запасъ источниковъ, могущихъ продовольствовать увеличившееся со временемъ число жителей. Смѣта вышла въ 260,000 р. Въ настоящее время проведеніе воды въ Харьковѣ изъ того же сада обошлось вчетверо дороже на число жителей вдвое большее. Благодаря содѣйствію владѣльца сада г. Карпова, изслѣдовано до пятидесяти образцовъ воды изъ разныхъ источниковъ, колодцевъ, рѣкъ Лопани и Харькова, гигрометрически указано процентное содержаніе неорганическихъ веществъ. Результаты проверены въ химической лабораторіи профессоромъ Н. Н. Бекетовымъ“.

Въ 1865 году В. И. Лапшинъ оставилъ Харьковскій университетъ, при чемъ былъ избранъ его почетнымъ членомъ. Скромный ученый не предполагалъ было продолжать ученую службу, но обстоятельства сложились иначе. Происходившее въ 1865 году преобразование Одес-

¹⁾ То-есть, вода источниковъ такъ-называемаго Карповскаго сада близъ Харькова.

скаго Ришельевского лицея въ Новороссійскій университетъ побудило тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина предложить В. И. Лапшину занять въ немъ катедру физики. Василій Ивановичъ согласился и прослужилъ въ Одессѣ пять лѣтъ, съ 1865 по 1870 годъ. Объ этой своей службѣ и связанныхъ съ нею занятіяхъ онъ разказываетъ слѣдующее:

„На первыхъ порахъ пришлось обратить особенное вниманіе на устройство физическаго кабинета, который найденъ былъ мною крайне бѣднымъ. Значительная сумма денегъ употреблена была на приобрѣтеніе капитальныхъ инструментовъ изъ-за границы отъ первостатейныхъ механиковъ, какъ по письменнымъ, такъ и по личнымъ сношеніямъ, завязаннымъ еще со времени путешествій въ 1861 и 1862 гг. Пришлось отвоевывать настоящее помѣщеніе въ бывшихъ совѣщательныхъ комиссіяхъ.

„Въ 1866 году я совершилъ путешествіе на островъ Санторинъ, въ сосѣдствѣ котораго, на одномъ изъ мелкихъ острововъ, происходили вулканическія изверженія и образовался новый вулканъ Георгъ I. Кабинетъ физической географіи снабженъ большимъ собраніемъ вулканическихъ продуктовъ въ разныхъ степеняхъ дѣйствовавшаго на нихъ огня. Имѣется письмо графа Кайзерлинга, въ которомъ лестно отзывается о моемъ описаніи, а также письмо академика Гельмерсена.

„Въ 1868 году, по распоряженію русскаго правительства, снаряжался въ городъ Николаевъ военный корветъ „Львица“ для произведенія промѣровъ глубины въ Черномъ морѣ. Ходатайствовала объ этомъ англійская компанія индѣйской телеграфной линіи, имѣвшая въ виду найти удобное мѣсто для проложенія электрическаго каната съ береговъ Крыма на восточный берегъ кавказскій Чернаго моря. Испросивъ разрѣшеніе главнаго начальника морскаго вѣдомства въ Николаевѣ, генерала-адъютанта Глазенапа, принять участіе въ этой экспедиціи, въ продолженіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ я имѣлъ случай познакомиться съ приемами промѣровъ, опредѣленіемъ температуры морской воды на разныхъ глубинахъ, съ теченіями морскими. Результаты плаванія изложены въ статьѣ: „Плотность воды Чернаго моря и замѣтки объ устройствѣ батометра“.

„Начались при мнѣ метеорологическія наблюденія въ университетѣ по общепринятой у насъ программѣ Главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ; ежедневно передаются телеграммы въ Петербургъ и Парижъ, каждый мѣсяць отправляется сводъ наблюденій. Эту обязанность принялъ на себя безвозмездно кандидатъ

Харьковского университета В. О. Сталевичъ, считающійся приспѣшникомъ физическаго кабинета. Для каѳедры физической географіи и метеорологіи не полагается даже по уставу необходимаго лица для производства наблюденій. Надобно сказать, что немного найдется охотниковъ аккуратно заниматься этимъ дѣломъ изо дня въ день. Гдѣ бы ни случилось быть вечеромъ, бѣги къ девяти часамъ на обсерваторію, не смотря на непогоду; нѣтъ ни праздниковъ, ни каникулъ. Въ 1866 году пріѣзжалъ въ Одессу сиръ Гартлей, предсѣдатель международной комиссіи по устройству Сулинскаго устья Дуная, вошелъ къ генераль-губернатору Коцебу съ предложеніемъ учредить метеорологическія станціи по берегамъ Чернаго моря и связать ихъ съ Сулиною. По этому поводу мнѣ пришлось войти въ близкія сношенія съ сиромъ Гартлеемъ и въ представленной генераль-губернатору запискѣ изъяснить готовность содѣйствовать предположенію, на сколько это окажется возможнымъ. Но только-что открытому университету предстояли заботы собственнаго устройства. Затѣвать хотя полезное, но считавшееся излишнимъ и не по средствамъ, было не возможно. Обстоятельства не были къ тому благоприятны и своевременны. Случившійся въ это время въ г. Одессѣ г. Морицъ, директоръ Тифлисской метеорологической обсерваторіи и завѣдывавшій метеорологическими станціями Кавказа, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и съ своей стороны изъяснялъ готовность содѣйствовать предпріятію. Въ настоящее время, то-есть, съ 1881 года, каѳедра физической географіи и метеорологіи занята въ Новороссійскомъ университетѣ достойнымъ преподавателемъ. Въ недавнее только время изученіе атмосферическихъ перемѣнъ въ изслѣдованіяхъ такъ-называемыхъ циклоновъ и антициклоновъ получило такое развитіе, что оказывается уже возможнымъ съ большею достовѣрностью предсказывать значительныя возмущенія въ атмосферѣ и сообщать предостереженія, кому о томъ знать и вѣдать интересно и нужно. Г. Клоссовскій издалъ въ 1882 году и сочиненіе по этому предмету. Онъ же въ 1883 году, въ заключеніе статьи своей „Климатическія особенности Одессы“, на основаніи шестнадцатилѣтнихъ уже наблюденій г. Сталевича, высказалъ мысль, что учрежденіе въ Одессѣ центральной метеорологической обсерваторіи юга имѣетъ тройное значеніе: 1) чисто теоретическое—для изученія физической стороны отдѣльныхъ явленій, какъ метеорологическихъ, такъ и магнито-электрическихъ; 2) обсерваторія послужила бы ядромъ цѣлой сѣти наблюденій, разработка которыхъ могла бы дать полезныя указанія

для земледѣльца; 3) обсерваторія посылала бы предостереженія о приближающихся буряхъ въ порты Чернаго моря. Три учрежденія, слѣдовательно, являются одинаково заинтересованными — университетъ, общество сельскихъ хозяевъ и общество пароходства и торговли. Совокупными усиліями возможно было бы осуществленіе этого неотложнаго дѣла. Обстоятельства слагаются, по видимому, благоприятно. Докладная записка г. Клоссовскаго выслушана со вниманіемъ и участіемъ въ статистическомъ комитетѣ Одесскаго земства; предположено напечатать ее въ числѣ пятисотъ экземпляровъ и разослать чрезъ посредство земства. Не могу не порадоваться и не пожелать успѣха въ такомъ важномъ ученomъ и практическомъ предпріятіи.

„Городскому управленію г. Одессы не разъ приходилось заявлять о томъ, что газовая коммиссія не исполняетъ контракта, заключеннаго съ думою относительно надлежащаго освѣщенія города. Признано нужнымъ отнестись въ университетъ и просить произвести повѣрку изъ трехъ профессоровъ и лицъ городского управленія. На меня, какъ предсѣдателя коммиссіи, выпала необходимая доля занятій. Результаты изложены въ докладѣ довольно обширномъ и представлены думѣ. Какъ отнеслась дума къ докладу, осталось неизвѣстнымъ. А что дума не могла справиться съ обществомъ газовымъ и послѣ того и заставить быть добросовѣстнѣе, не разъ подтверждалъ профессоръ Веригъ, печатая химическія изслѣдованія о недостаткѣ чистаго газа“.

Оставивъ Новороссійскій университетъ, В. И. Лапшинъ поселился въ Оеодосіи „съ тѣмъ“, какъ онъ говоритъ, — „чтобы жить спокойно, отдыхать послѣ тридцатипятилѣтнихъ трудовъ“. Онъ купилъ себѣ небольшую дачу подъ городомъ, близъ моря, съ садомъ и виноградникомъ, и основался здѣсь. Однако дѣятельная натура Василя Ивановича не могла ограничиться тѣсною сферою домашней жизни. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ городской общественной дѣятельности — сталъ предсѣдателемъ церковнаго попечительства, гласнымъ Оеодосійской думы и членомъ управы (безъ жалованья). Но на этомъ поприщѣ энергія В. И. Лапшина и его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу встрѣтили противодѣйствіе со стороны своекорыстныхъ интересовъ другихъ лицъ, и въ концѣ концовъ ему пришлось отказаться отъ участія въ городскихъ дѣлахъ; кромѣ того, непріятности разстроили его здоровье, а въ послѣдствіи даже вынудили покинуть Оеодосію; купленная дача была продана.

Однимъ изъ эпизодовъ общественной дѣятельности В. И. Лапшина

въ Θεодосіи было исполненіе обязанностей почетнаго попечителя мѣстной прогимназіи, по выбору думы. Этому дѣлу В. И. Лапшинъ отдался всею душою: „По избраніи думою почетнымъ попечителемъ прогимназіи, принесъ на первое ея обзаведеніе въ даръ значительное количество книгъ изъ своей библіотеки по предметамъ физики, математики и исторіи. Кромѣ того, пожертвовалъ два физическихъ прибора. Принималъ участіе въ педагогическомъ совѣтѣ, посѣщалъ уроки. Желая войти въ ближайшія отношенія съ преподавателями, приглашалъ къ себѣ. Задумалъ устроить педагогическія бесѣды съ учебнымъ персоналомъ прогимназіи. Однимъ словомъ, я смотрѣлъ на обязанности почетнаго попечителя иначе, нежели какъ это обыкновенно ведется. Почетный попечитель, по моему мнѣнію, есть посредникъ между обществомъ и учебнымъ заведеніемъ. Общество, конечно, не мѣшается ни въ учебное дѣло, ни въ другіе заведенные порядки, но бывають случаи, когда подымается говоръ неудовольствія, рождающагося изъ разказовъ учениковъ. Попечитель обязанъ узнавать правду и устранять недоразумѣнія и поводы къ нимъ. Дошелъ до меня однажды слухъ, что преподаватель закона Божія грубо и бранчиво обращается съ воспитанниками. Я попросилъ къ себѣ на келейную бесѣду инспектора и отца А. Смутился онъ, неожиданно захваченный, и не могъ отвергнуть высказаннаго мною. Посовѣтовалъ воздерживаться отъ неприличныхъ выходокъ, оберегать заведеніе и себя“. Задуманныя В. И. Лапшинымъ педагогическія бесѣды просуществовали недолго: „Составлена программа. Предложеніе принято, по видимому, охотно, назначено собираться хотя разъ въ мѣсяцъ. Два засѣданія было;—тѣмъ и кончилась попытка. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ ожиданій — вотъ пожалуйтъ господа педагоги, пришлось сказать инспектору: „честь предложена, отъ убытка Богъ избавилъ“. Къ какому же заключенію можно прійти по этому поводу? Просто сказать, что бесѣды показались не по-нутру, выходящими изъ рутиннаго отношенія къ преподаванію по программамъ, даннымъ министерствомъ,—не по-нутру, потому что поднятые въ засѣданіи вопросы потребовали бы особенныхъ занятій и самостоятельныхъ взглядовъ на предметъ. Но самостоятельность намъ не подъ стать, да и не требуется“...

В. И. Лапшинъ однако не унывалъ, даже встрѣчая равнодушіе со стороны мѣстнаго общества. Онъ рѣшился послужить дѣлу народнаго образованія не только совѣтами, но и прямымъ трудомъ: въ 1871 году онъ основалъ въ Θεодосіи народную школу и самъ сталъ

въ ней главнымъ преподавателемъ. Разказъ объ этомъ предпріятіи въ высшей степени любопытенъ:

„Предстоявшее въ юности назначеніе учительствовать въ народной школѣ отозвалось чрезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ открытіемъ школы въ Θεодосіи, въ которой самъ былъ учителемъ. Въ педагогіи не мыслимы подобные курьезные скачки; педагогія требуетъ постоянныхъ занятій, практическихъ упражненій въ примѣненіи вырабатываемыхъ ею началъ. Профессорство—еще не достаточное ручательство умѣнья вести дѣло школьнаго обученія, начальнаго образованія и воспитанія. Не всякій профессоръ къ тому годенъ. Педагогія занимала меня въ продолженіе всей жизни. Прочная закладка положена въ институтѣ и потомъ въ гимназіи. Въ Дерптѣ часто приходилось бесѣдовать съ П. И. Прейсомъ о разныхъ педагогическихъ вопросахъ, на которые онъ обращалъ особенное вниманіе, какъ учитель русскаго языка въ гимназіи. Ему я обязанъ знакомствомъ въ то еще время (въ 1829 г.) съ звуковымъ способомъ обученія чтенію, который онъ съ успѣхомъ прилагалъ при преподаваніи грамоты нѣмецкимъ ученикамъ... Въ 40-хъ годахъ я употреблялъ разрывную азбуку для своихъ дѣтей. Въ бытность за границею въ 1833—1835 гг. я читалъ отчеты директоровъ гимназій, пріобрѣталъ извѣстныя въ то время педагогическія сочиненія. Во время путешествія по Саксоніи, по выѣздѣ изъ Дрездена, я остановился въ Пирнѣ, зашелъ въ школу, бесѣдовалъ съ учителемъ и получилъ отъ него печатный отчетъ о занятіяхъ окончившагося года. Подобная самостоятельность тогда еще поражала меня. Въ Харьковѣ самъ училъ своихъ дѣтей. Два брата были на моихъ рукахъ. Преподаваніе физики въ институтѣ дѣвицъ (въ Харьковѣ) шло успѣшно именно потому, что соблюдалъ неизмѣнное правило удостоверить послѣ каждого урока посредствомъ вопросовъ въ пониманіи сообщеннаго, при чемъ преимущественно имѣлись въ виду слабѣйшія. Воспитанницы безъ труда приготавливали уроки, и даже слабыя по другимъ предметамъ отвѣчали сознательно и толково. Замѣчу мимоходомъ: учитель есть и преподаватель, въ то же время и наблюдатель за вниманіемъ учениковъ или ученицъ. Его дѣло и умѣнье застигнуть врасплохъ разсѣяннаго мальчика или дѣвочку вопросомъ: о чемъ я говорилъ сейчасъ?... Итакъ, годами слагалась педагогическая опытность, закончившаяся пятилѣтними трудами въ Θεодосійской школѣ. Нѣсколько тетрадей наполнено замѣтками по разнымъ педагогическимъ вопросамъ.

„Открытіе школы вызвано было ошутительною потребностью ученія, котораго лишено было множество дѣтей по тѣснотѣ помѣщенія въ одномъ домѣ приходскаго и уѣзднаго училища ¹⁾. Дѣвочкамъ же во все негдѣ было учиться; по неволѣ обращались къ плохимъ учителямъ, платя рубль и болѣе въ мѣсяцъ. Такая скудость образованія дѣтей и не совсѣмъ недостаточныхъ родителей вызвала въ совѣтѣ приходскаго попечительства мысль объ устройствѣ народной школы. Къ обязанностямъ попечительства, по инструкціи святѣйшаго синода, принадлежитъ учрежденіе благотворительныхъ заведеній и школъ. При скудости средствъ, составлявшихся изъ взноса небольшого числа членовъ, вельзя было и думать о школѣ. Но дѣло устроилось инымъ образомъ. Я заявилъ о своей готовности принять на себя обученіе дѣтей, а бывший староста церковный Н. Н. Тр. (раненный герой севастопольскій) и настоятель собора І. Пкс. нашли возможнымъ предложить на первое обзаведеніе 200 рублей и помѣщеніе для небольшого числа учащихся (10—15 человекъ). Съ надеждою на постороннюю помощь и сочувствіе ревнителей народного образованія, попечительство вошло съ представленіемъ къ епархіальному начальству объ устройствѣ при Александровскомъ соборѣ школы грамотности, на что и послѣдовало разрѣшеніе въ 1871 г. Что потребность учиться была велика, явствуетъ изъ весьма значительнаго заявленія, какъ безграмотныхъ, такъ и учившихся болѣе или менѣе, достигшаго до 120 мальчиковъ и дѣвочекъ. Это обстоятельство измѣнило взгляды и расчеты. Отказываться было неудобно. Большинство родителей изъявили согласіе платить по 50 коп. въ мѣсяцъ, говоря, что больше тратили, а пользы мало видѣли. Многія лица выразили готовность принять участіе въ преподаваніи. Комитетъ грамотности, состоящій при Императорскомъ Вольно-экономическомъ обществѣ, выслалъ уже весьма значительное количество книгъ. Стали стекаться пожертвованія и деньгами. Такимъ образомъ, приходилось вести дѣло народной школы въ размѣрахъ, превосходящихъ начальное предположеніе. Съ Божіею помощію школа открыта въ 1871 году.

Тѣсно было въ квартирѣ, первоначально нанятой. Послѣ новаго года занять былъ школою отдѣльный домъ за 330 рублей въ годъ. Ученики и ученицы раздѣлены были на группы по мѣрѣ познаній. Каждая группа находилась въ вѣдѣніи особаго преподавателя или

¹⁾ Впослѣдствіи мнѣ же пришлось содѣйствовать отдѣльному существованію ихъ при увеличенномъ содержаніи. (Примѣчаніе В. И. Лапчина).

особой преподавательницы. Черезъ два года школа превратилась въ трехклассное училище; послѣдній классъ двухгодичный. Предметы преподаванія были: законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, географія, русская исторія, чистописаніе, черченіе, начала геометріи, шитье, пѣніе. Въ этомъ составѣ школа существовала до 1875—76 года уже въ моемъ домѣ.

„Въ настоящихъ воспоминаніяхъ считаю излишнимъ распространяться обо всемъ школьномъ обиходѣ... Ограничусь нѣкоторыми свѣдѣніями, могущими дать понятіе, что эта за школа была, и достигла ли она какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ въ періодъ эфемернаго своего существованія.

„Расширившійся кругъ преподаванія предметовъ въ школѣ требовалъ удовлетворенія соотвѣтствующими руководствами, книгами для чтенія и наглядными пособиями... О наглядныхъ пособияхъ предлагалъ особенную заботливость. Приходилось не разъ слышать, что наши учебныя пособия — излишняя роскошь для народной школы. Я другого мнѣнія относительно этого предмета. Неразвитость дѣтей бѣднаго класса зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что они лишены возможности видѣть и слышать то, въ средѣ чего вращаются дѣти достаточныхъ семействъ. А Богъ и бѣдныхъ надѣлилъ способностями. Кто принялъ на себя обязанность ихъ развитія и образованія въ извѣстныхъ, доступныхъ предѣлахъ, тотъ и долженъ позаботиться о такихъ пособияхъ, которыя облегчили бы болѣе трудное для нихъ обученіе. И учащимъ, имѣющимъ подъ рукою все необходимое, легко вести дѣло надлежащимъ образомъ и дѣтямъ вразумительно. Впослѣдствіи времени нѣкіе думскіе господа заявляли, что такая школа и вовсе не нужна.

„Средства для существованія школы сложились изъ пожертвованій частными лицами, назначенія временныхъ пособій общественными учрежденіями и взноса за ученіе. Учебныя книги, аспидныя доски и письменныя принадлежности приобрѣтались въ значительномъ количествѣ и выдавались дѣтямъ по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ покупались. И тѣ, и другія пособия бѣдные получали бесплатно, независимо отъ освобожденія отъ взноса за ученіе. Таковыхъ среднимъ числомъ приходилось болѣе 40%. При этомъ помнилось о томъ вниманіи и усердіи къ народной школѣ, которыя, въ первый же годъ ея существованія, выказали нижніе чины 13-го стрѣлковаго батальона, собравшіе, по добровольной подпискѣ, истинно евангельскими лептами, 11 руб. 33¹/₂ коп. Они же устроили въ казармахъ спектакли и препроводили еще 130 руб. 15¹/₂ коп. О такомъ сочувствіи къ

школѣ въ свое время заявлено съ глубочайшею признательностію въ одной изъ одесскихъ газетъ.

„По случаю открытія занятій съ неграмотными чинами 52-го Виленскаго полка, заступившаго въ Θεодосіи мѣсто 13-го стрѣлковаго батальона, школа, памятуя великую жертву его, препроводила нѣсколько столовъ, азбукъ, книгъ для чтенія, евангелій, молитвенниковъ, аспидныхъ и гуттаперчевыхъ досокъ.

„Достигла ли школа какихъ осязательныхъ результатовъ въ кратковременное свое существованіе? Нѣсколько данныхъ укажутъ, что кое-что сдѣлано. Одна изъ ученицъ А. (16 лѣтъ) подавала большія надежды къ дальнѣйшему преуспѣянію въ ученіи по всѣмъ предметамъ. Пробудь она въ школѣ еще подольше, могла бы заняться педагогіей практически и по извѣстнымъ руководствамъ. Я имѣлъ въ виду приготовить эту дѣвицу къ званію учительницы и предоставить ей возможность выдержать экзаменъ. И по характеру, и по нравственнымъ качествамъ она оправдала бы высокое и трудное званіе народной учительницы, еслибы пришлось. Но, по бѣдности, мать вздумала выдать дочь замужъ и сгубила несчастную: участь горькая вышла. Другая ученица, армянка Ер. (17 лѣтъ), тоже хорошо училась, заявляла желаніе еще хотя годъ посѣщать уроки старшаго класса. Но оказалось, что, по армянскому взгляду, семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ учиться не подобаетъ. Какъ дошелъ до меня впослѣдствіи слухъ, дѣвица Ер., при содѣйствіи знакомыхъ, открыла въ Тифлисѣ швейное заведеніе и магазинъ женскаго платья. Въ школѣ она оказала отличные успѣхи въ шитьѣ, выучилась кройкѣ. И вотъ это руководѣлье пригодилося. А такъ какъ она хорошо говорила по руски, считала въ умѣ быстро и рѣшала различныя задачи, то и эти знанія оказались не безполезными. Съ глубокою признательностію вспоминаю о г-жѣ А. А. А., которая два года усердно обучала шитью въ школѣ, многихъ дѣвицъ довела до умѣнья скроить и сшить разную одежду.

„Мнѣ пришлось самому заниматься преподаваніемъ закона Божія въ 1872 — 1873 г. въ старшемъ тогда классѣ, а въ 1873 — 1874 и 1874 — 1875 гг. во второмъ и третьемъ классѣ, указывать г-жѣ П., какъ вести дѣло въ 1-мъ классѣ по картинамъ профессора Шэра. Въ 1874 г. я счелъ долгомъ обратиться къ бывшему настоятелю стараго собора, жившему уже на покоѣ, достопочтенному отцу Θεодоту Пенчулу съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ произвести экзаменъ изъ закона Божія въ школѣ. Мнѣ нужно было оградить себя на всякій случай свидѣтельствомъ всѣми уважаемаго отца

Федота. Онъ остался доволенъ, годовыя отмѣтки возвысилъ, а одной особенно даровитой дѣвчкѣ, А. З., поставилъ отмѣтку съ крестомъ. Она съ толкомъ и чувствомъ произнесла стихи, въ которыхъ изложено молитвословіе ектеній. Отецъ Федотъ одобрилъ, что у всѣхъ дѣтей была книжка: „Краткое изложеніе литургіи св. Іоанна Златоустаго для мірянъ“ (послѣдовательный ходъ всей службы; книжку эту берутъ съ собою въ церковь, когда идутъ къ обѣднѣ). Я благодарилъ отца Федота, говоря, что я считаю произведенный имъ экзаменъ экзаменомъ самому себѣ и теперь могу безбоязненно передъ совѣстію продолжать подобныя занятія, руководить и другихъ.

„На чтеніе обращалось особенное вниманіе во всѣхъ классахъ, чтобы было правильно по произношенію, сознательно по смыслу, съ соблюденіемъ знаковъ препинанія, въ старшемъ классѣ передавалось бы съ толкомъ, разстановкою. Отчетливое, хорошее чтеніе есть лучшая рекомендація не только въ школѣ учащимся, но и въ среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. Въ старшемъ классѣ употреблялась для чтенія книга „Дѣтскій міръ“ Ушинскаго и отрывки изъ русскихъ авторовъ, во второмъ—„Даръ слова“ Семенова и Водовозова.

„Экзамены почтили своимъ присутствіемъ епископъ, Айвазовскій, начальница женской гимназіи М. Ѳ. Котляревская. Явились было одинъ разъ два гласныхъ, но, соскучившись, скоро и ушли. А 31-го мая 1875 г. посѣтилъ школу и самъ попечитель Одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцевъ. Послѣдній, уходя, преклонился до полу рукою въ знакъ благодарности за заботы о народномъ образованіи. Можетъ быть, и искренняя была признательность его въ настоящую минуту. Я понадѣялся, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь болѣе существенное, употребить свое вліяніе на городскихъ заправителей оказать пособие хоть на будущій годъ, но ошибся.

„Естественнѣйшее не было предметомъ опредѣленныхъ классныхъ уроковъ, но временами и при случаѣ сообщались и опыты посредствомъ волшебнаго фонаря и стробоскопа. Что значитъ свѣжій и душный воздухъ? Чтобы дать понятіе о кислородѣ, какъ существенной части воздуха для дыханія и горѣнія, приготовлено было по двѣ стеклянки съ кислородомъ и водородомъ и показано различіе этихъ газовъ. Горѣніе фосфора. Что поглощаемъ изъ воздуха и что выдыхаемъ? Отъ чего бываетъ угарь? Разказъ о водѣ. Прѣсная вода рѣчная, колодезная, морская. Употребляемая лѣтомъ прохладительная, шипучія воды и такъ-называемыя кислыя щи. Минеральныя воды. Старшихъ учениковъ и ученицъ водилъ въ типографію, гдѣ они знакомились со всѣми приемами печатанія книгъ. На заводѣ гидравли-

ческой извести объяснено добываніе ея. Въ музеѣ разсматривали съ любопытствомъ остатки древностей, что послужило для нѣкоторыхъ предметомъ письменнаго изложенія. Разрушенныя башни еоодосійскія потребовали объясненія, что здѣшними мѣстами и многими въ Крыму владѣли генуэзцы, а въ древнія времена по берегамъ были греческія колоніи.

„На дачѣ у меня въ саду сложенъ столбъ, на верхней площадкѣ котораго проведена полуденная линія. Дѣти, занимавшіяся уже черченіемъ, присутствовали при производствѣ операціи, наблюдали передвиженіе тѣни прутика (гномона), отмѣчали соприкосновеніе съ концентрическими кругами и дождались обозначенія полуденной линіи. Сказали, что можно и часы повѣрять. Этотъ опытъ оказался полезнымъ и для уроковъ географіи. Въ праздничные дни, лѣтомъ, предпринимались прогулки за городъ. Несли мѣшокъ съ арбузами, корзину съ булками. Набѣгавшись, мальчики рѣзали то и другое, складывали на подносъ и угощали ученицъ, усѣвшихся подъ деревьями. Передъ возвращеніемъ въ городъ пѣли извѣстныя пѣсенки. Кстати замѣчу, что совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ школѣ благотворно дѣйствовало на первыхъ въ нравственномъ отношеніи. Сочтено необходимымъ устраивать домашніе праздники по случаю воспоминанія замѣчательныхъ историческихъ русскихъ событій. За нѣсколько дней объяснялось значеніе предполагаемаго праздника. Такъ, 30-го мая 1872 г. (двухсотлѣтній день рожденія Петра Великаго) вся школа сопровождала церковное шествіе къ берегу моря. Учащіеся участвовали въ пѣніи молебствія. По возвращеніи въ школу, завѣдывающій оною произнесъ, въ присутствіи гостей, краткую рѣчь о Петрѣ Великомъ, какъ онъ безпрестанно учился многому, и какія принималъ заботы объ образованіи народа, ввелъ гражданскую азбуку. За симъ послѣдовало угощеніе дѣтей. И мы, то-есть, весь составъ школы, собрались въ 1875 г. почтить, какъ умѣемъ, день 19-го февраля, соединяющій два торжества, знаменательныя для всѣхъ русскихъ подданныхъ—день восшествія на престолъ государя императора Александра Николаевича и освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости. Сами учащіеся были дѣйствующими лицами. Въ послѣдовательномъ порядкѣ изложены главнѣйшія обстоятельства закрѣпощенія, крѣпостнаго состоянія и освобожденія: кто прочиталъ свое незамысловатое сочиненіе, кто произнесъ стихи, прибранные къ случаю. Дѣти охотно вызывались одинъ передъ другимъ. Мы не убожались и того, какимъ окажется исполненіе въ присутствіи стороннихъ

лицъ, полагая, что посѣтителѣ отнесутся къ нашему празднеству столь же благосклонно, какъ это бываетъ въ семейныхъ кружкахъ.

„Школа оказала не малую услугу и самому ея учителю: 1) Я на практикѣ извѣдалъ, какія мѣры нужно было принимать къ тому, чтобы приучить дѣтей къ порядку, внушить благонравіе, отучить мальчиковъ отъ сквернословія и озорничества. По окончаніи уроковъ я слѣдилъ за ними и заставлялъ врасплохъ. Въ базарные дни являлся на рынокъ и наблюдалъ, зачѣмъ толкаются многіе изъ мальчиковъ между торгующимъ людомъ и возами. Совѣстное пребываніе съ дѣвочками въ школѣ много содѣйствовало приличному обхожденію и между собою. 2) Когда приходилось одному мнѣ давать уроки въ двухъ классахъ, прибавляя и третій низшій, надобно было составить такое росписаніе, чтобы всѣ были заняты. Это не то, что учитель, толкуя съ однимъ отдѣленіемъ, обращается чрезъ четверть часа къ другому, пожалуй—и третьему, а потомъ возвращается къ первому. Шли цѣльные часовые и болѣе уроки. 3) Практиковался преимущественно разговорный способъ ученія. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія онъ признается труднымъ и потому не допускается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я думаю, что и тамъ до VI класса собесѣдованіе съ учениками и ученицами въ женскихъ гимназіяхъ приносило бы больше пользы, нежели обычный способъ преподаванія. 4) Школа навела меня на изобрѣтеніе прибора, наглядно объясняющаго суточный перемѣнъ надъ горизонтомъ какого-либо мѣста и служащаго доказательствомъ вращенія земли къ оси“.

Этимъ повѣствованіемъ о школѣ оканчиваются воспоминанія В. И. Лапшина. Онъ прекратилъ въ ней свою дѣятельность въ 1876 г., когда оставилъ Θεодосію. Послѣдніе годы своей жизни онъ прожилъ въ Одессѣ, гдѣ и скончался, оставивъ по себѣ самую свѣтлую память.

Представляя извлеченіе изъ собственныхъ воспоминаній В. И. Лапшина, мы всего менѣе касались его учено-литературной дѣятельности. При рукописи его воспоминаній приложенъ списокъ его ученыхъ сочиненій, въ количествѣ 43 нумеровъ. Научное значеніе этихъ трудовъ оценено было въ надгробномъ словѣ преемника его, профессора Шведова, и въ рѣчи профессора Клоссовскаго, сказанной по кончинѣ В. И. Лапшина въ Одесскомъ обществѣ испытателей природы. Въ области физико-географическихъ изслѣдованій нашего отечества В. И. Лапшину принадлежитъ видное и почетное мѣсто. Не забудется его память и какъ отличнаго преподавателя и полезнаго общественнаго дѣятеля.

